

УДК 001

DOI: 10.34670/AR.2026.99.66.020

Феномен юродства как антропологическая модель

Фролова Наталия Алексеевна

Кандидат философских наук,
доцент,

Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского,
398020, Российская Федерация, Липецк, ул. Ленина, 42;
e-mail: frolova_na@lspu-lipetsk.ru

Аннотация

В статье предпринимается попытка философской реконструкции феномена юродства как устойчивой антропологической модели, выходящей за рамки историко-церковного описания. Автор рассматривает юродство в двух взаимодополняющих перспективах. С одной стороны, культурфилософской, где оно выступает как антисистема, разрушающая фундаментальные культурные оппозиции, с другой, философско-антропологической, где юродство раскрывается как радикальная практика отношения к телесности, разуму и свободе. Анализируется трансформация юродческой модели в культуре Нового времени. В статье также рассматриваются современные реинкарнации юродства в перформансе, медийной культуре и религиозной практике, а также ставится вопрос о возможности юродства в секулярном и постмодернистском контексте. Автор приходит к выводу, что юродство представляет собой универсальную антропологическую константу, актуализирующуюся в периоды культурных кризисов. Философское значение феномена усматривается в его способности обнажать противоречие между социальными ролями и подлинным существованием человека. Юродивый выступает как фигура, которая через отказ от всех культурных определений открывает доступ к нередуцируемому ядру личности.

Для цитирования в научных исследованиях

Фролова Н.А. Феномен юродства как антропологическая модель // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2026. Том 15. № 2А. С. 252-257. DOI: 10.34670/AR.2026.99.66.020

Ключевые слова

Юродство, философская антропология, культурфилософия, русская культура, телесность, социальная критика, антропологическая модель.

Введение

Феномен юродства представляет собой не просто историко-церковный курьез, но устойчивую антропологическую матрицу, воспроизводящуюся в русской культуре на протяжении столетий вплоть до Новейшего времени. Его философское осмысление требует выхода за рамки агиографического описания и постановки радикального вопроса: каким образом практика, внешне маркируемая как безумие или асоциальное поведение, становится легитимной формой святости и одновременно радикальной критикой культуры [Башкиров, 2021, 133; Есаулов, 2025, 115; Икитян, 2025, 131; Криницын, 2023, 15; Ростовцева, 2021, 119; Сукина, 2023, 7; Фаритов, 2021, 67]. Целью настоящего философского анализа является реконструкция юродства как целостной антропологической модели, включающей онтологические основания, телесные практики, социальную динамику и специфическую трансформацию сознания.

Генезис юродства восходит к ветхозаветным пророкам, таким как Осия и Иезекииль, чьё экстравагантное поведение служило знаком божественного послания. Византийская агиографическая традиция оформляет этот пророческий импульс в институционализированную форму подвижничества. Однако русское юродство обретает специфические черты, отличающие его от византийского образца. На наш взгляд, в данном случае акцент смещается с исключительно пророческой функции на социальную критику, а юродивые начинают выступать как «совесть царя», получая возможность говорить правду власти. Историческая периодизация позволяет выделить расцвет феномена в Московской Руси XIV–XVII веков, затем его секуляризацию и трансформацию в литературный тип в XIX столетии, маргинализацию в советский период и, наконец, постсекулярные реинкарнации в современной культуре. Ключевые фигуры (такие как, например, святой Василий Блаженный, святой Прокопий Устюжский, Иван Яковлевич Корейша) выступают эмпирическими референтами той антропологической модели, которая подлежит философской реконструкции.

Основная часть

Культурфилософский анализ позволяет рассматривать юродство как последовательную антисистему, сознательно выводящую себя за пределы социального номоса, т.е. закона, нормы и этикета. Юродивый осуществляет систематическое разрушение трех фундаментальных оппозиций, на которых держится любая культура. Во-первых, это оппозиция сакрального и профанного, поскольку кощунственные действия юродивого парадоксальным образом оказываются формой высшего благочестия. Во-вторых, разрушается граница между разумным и безумным, ибо симуляция безумия становится условием обладания истинным разумом. В-третьих, юродивый преодолевает различие чистого и нечистого через наготу, демонстративные нечистоты и нарушение телесных табу.

Механизм социальной критики, реализуемый юродством, может быть, на наш взгляд, описан как инверсия. Юродивый намеренно занимает социальное «дно», чтобы обрести право говорить правду «верхам». В допетровской Руси юродство функционировало как единственный институционализированный канал обратной связи, где критика власти облекалась в форму безумия и тем самым избегала санкций. Сравнение с западными формами социальной критики, такими как шут, трикстер и др. обнаруживает принципиальное отличие. Юродство не снимает иерархию в карнавальном смехе, но утверждает её через парадоксальное обладание подлинным

авторитетом, который признается именно в силу добровольного отказа от внешних атрибутов власти.

В контексте православной аскетической традиции юродство занимает особое место среди подвижнических практик. В отличие от столпничества, затворничества или старчества, юродство представляет собой «высшую степень смирения», достигаемую через добровольное принятие поругания. Богословское обоснование этой практики восходит к апостолу Павлу. Концепция «обмана ума», т.е. намеренного сокрытия добродетели под маской безумия позволяет юродивому избежать опасности духовной гордыни. Мы фиксируем фундаментальный парадокс, выражающийся в том, что юродивый систематически нарушает внешние каноны, но при этом сохраняет внутреннее трезвение, что делает его принципиально недоступным для внешней оценки и суда.

Переход к философско-антропологическому анализу требует выявления онтологических оснований юродства. Исходной посылкой выступает антропологический пессимизм, т.е. констатация поврежденности человеческой природы после грехопадения. Социальный статус, рациональное мышление, телесная чистота и нормативное поведение рассматриваются юродивым как «одежды», фиксирующие падшее состояние человека. Задача юродства заключается в том, чтобы обнажить «ветхого Адама», т.е. человека в его фактической поврежденности и через это обнажение открыть путь к преображенному состоянию. Антропологический парадокс достигает здесь своей предельной напряженности, поскольку максимальное унижение плоти становится условием максимальной свободы духа.

Гносеологический аспект юродства раскрывается через различие между «умом» как способностью созерцательного постижения истины и «рассудком» как дискурсивным, логическим мышлением. Юродство предстаёт как практика «отказа от рассудка» ради «стяжания ума». Эта стратегия обнаруживает глубокие философские параллели, ведь платоновская метафора пещеры описывает философа, чьё прозрение воспринимается обывателями как безумие; киническая традиция практикует парарсию, т.е. дерзновенную речь через демонстративное нарушение социальных норм. В современной перспективе юродивый может быть осмыслен как деконструктор культурных кодов, задолго до постструктурализма обнажающий насильственную природу «здорового смысла».

Телесность в юродстве становится ареной радикальных практик, которые могут быть структурированы по трем регистрам. Первый регистр – это аскеза, добровольное лишение комфорта, нагота, понимаемая не как возвращение к природе, но как возвращение к «естеству» в его догреховном состоянии. Второй регистр – это табуированное, демонстративное нарушение гигиенических и эротических норм, где нечистоты выступают символическим жестом, возвращающим миру его собственную изнанку. Третий регистр – это страдание, принятие физического насилия, побоев и насмешек как формы уподобления Христу. В этой перспективе тело юродивого становится «текстом», который читается окружающими как провокация к саморефлексии и пробуждению совести.

Экзистенциальный анализ позволяет представить юродивого как фигуру предельной свободы. Он разрывает все социальные связи, например, собственность, семью, статус, репутацию. Однако эта свобода не оборачивается произволом, но парадоксальным образом соединяется с предельной ответственностью, т.е. «стоянием за мир» перед Богом.

В культуре Нового времени происходит трансформация юродства. Из житийной практики оно переходит в культурный миф и литературный тип. У А.С. Пушкина в «Борисе Годунове» Николка-юродивый выступает как «голос народа» и пророческая фигура, обличающая власть.

Ф.М. Достоевский осуществляет систематическое философское осмысление юродства. Князь Мышкин в романе «Идиот» предстает как секуляризованная версия юродивого, поскольку его эпилепсия становится симулякрот безумия, детскость указывает на неиспорченность социальными инстинктами, а способность видеть «живую жизнь» обнажает ложность культурных конвенций. Ф.М. Достоевский переводит юродство из религиозной практики в антропологический идеал целостного человека.

Серебряный век, по нашему убеждению, воспринимает юродство как эстетическую программу. Футуризм и акционизм предпринимают попытку культурного юродства, а А. Блок вводит образ юродивого в поэму «Двенадцать».

XX век обнаруживает новую функцию юродства, каковая проявляется в стратегии выживания в тоталитарной культуре. Диссидентство наследует юродческую традицию, например, фигуры А.И. Солженицына и Д.С. Лихачева выступают как «совесть нации», обладающая правом говорить правду власти именно в силу своего добровольного отказа от конформизма. Практики московского концептуализма и группы «Коллективные действия» представляют собой эстетическое переосмысление юродства в условиях позднего социализма, где художественная провокация берёт на себя функции социальной критики, ранее принадлежавшие религиозному подвижничеству.

Современность ставит вопрос о возможности и подлинности юродства в новых условиях. Реинкарнации в искусстве используют классические юродческие приемы, такие как нагота, нарушение табу, провокация власти. Однако возникает проблема подлинности. Когда провокация перестает быть аскезой и становится PR-стратегией, происходит подмена фундаментальной установки. Медийное юродство в виде феномена «фриков» массовой культуры обнаруживает принципиальное различие. Юродивый принимает поругание ради Истины, тогда как фрик требует признания ради самоутверждения. Религиозное юродство сегодня сталкивается с проблемой различения подлинной практики и симуляции, особенно в контексте старчества и лжестарчества. В этой связи возникает вопрос о том, возможно ли юродство как «должность» или оно онтологически противопоказано любой институции?

Наиболее глубокий вопрос, который ставит современность перед антропологической моделью юродства, касается её функции в эпоху постмодерна. Нужна ли культуре фигура, разрывающая симулякры и указывающая на экзистенциальную реальность, в условиях, когда сама эта реальность ставится под вопрос? Если классическое юродство отсылало к трансцендентному смыслу, к Богу как последнему основанию истины, то постмодернистская ситуация характеризуется крушением всех трансцендентных гарантий. Возможно ли юродство без Бога, или же секулярные реинкарнации этой модели неизбежно превращаются в чистую провокацию, лишенную онтологической глубины?

Заключение

Итак, юродство оказывается не просто экзотическим феноменом русской культуры, но универсальной антропологической моделью, фиксирующей противоречия между социальным и экзистенциальным, между ролью и личностью, между автоматизмом выживания и свободой подлинного существования. Его философское осмысление позволяет поставить вопрос о том, что значит быть человеком в ситуации, когда все культурные определения человека оказались скомпрометированы или разрушены. Юродивый выступает как фигура, которая отказывается от всех культурных определений личности, чтобы через это отрицание обрести личность в её

подлинном, нередуцируемом ядре. Именно поэтому феномен юродства сохраняет свою философскую актуальность. Он напоминает о том, что человек всегда больше любых своих социальных, культурных и даже рациональных определений, и что доступ к этой «большести» часто лежит через отказ от тех форм, в которых человек привык себя узнавать.

Библиография

1. Башкиров М.Б. «Шаман-воин» Александр Габышев: идентичность на стыке двух культур // Этнографическое обозрение. 2021. № 5. С. 130-146.
2. Есаулов И.А. О многомерности Акакия Акакиевича, или Почему в русской литературе нет образа «маленького человека» // Проблемы исторической поэтики. 2025. Т. 23, № 4. С. 112-132.
3. Икитян Л.Н. Испытание животностью, или Провокация «на четвереньках» в творчестве Леонида Андреева // Вопросы литературы. 2025. № 3. С. 129-144.
4. Криницын А.Б. Мотив юродства в романе Ф. М. Достоевского «Бесы» // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82, № 3. С. 14-24.
5. Ростовцева Ю.А. Мотивы странничества в житиях Христа ради юродивых (Прокопий Устюжский, Исидор Твердислов, Василий Блаженный) // Славяноведение. 2021. № 4. С. 117-126.
6. Сукина Л.Б. Святые, приплывшие из-за моря: «Немецкая» модель юродства в средневековой Руси // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2023. № 1(33). С. 3-16.
7. Фаритов В.Т. Аскетизм и юродство в философии Ф. Ницше // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 466. С. 64-70.

The Phenomenon of Holy Foolishness (Yurodstvo) as an Anthropological Model

Nataliya A. Frolova

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky,
398020, 42, Lenina str., Lipetsk, Russian Federation;
e-mail: frolova_na@lspu-lipetsk.ru

Abstract

The article undertakes an attempt at a philosophical reconstruction of the phenomenon of holy foolishness (yurodstvo) as a stable anthropological model extending beyond historical-ecclesiastical description. The author examines holy foolishness from two complementary perspectives. On the one hand, from a cultural-philosophical perspective, where it acts as an anti-system that destroys fundamental cultural oppositions; on the other hand, from a philosophical-anthropological perspective, where holy foolishness is revealed as a radical practice of relating to corporeality, reason, and freedom. The transformation of the model of holy foolishness in the culture of the Modern era is analyzed. The article also examines contemporary incarnations of holy foolishness in performance, media culture, and religious practice, as well as raising the question of the possibility of holy foolishness in a secular and postmodern context. The author concludes that holy foolishness represents a universal anthropological constant that becomes actualized during periods of cultural crisis. The philosophical significance of the phenomenon is seen in its ability to lay bare the contradiction between social roles and the authentic existence of a person. The holy fool acts as a figure who, through the rejection of all cultural definitions, opens access to the irreducible core of the personality.

For citation

Frolova N.A. (2026) Fenomen yurodstva kak antropologicheskaya model [The Phenomenon of Holy Foolishness (Yurodstvo) as an Anthropological Model]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 15 (2A), pp. 252-257. DOI: 10.34670/AR.2026.99.66.020

Keywords

Holy foolishness (yurodstvo), philosophical anthropology, cultural philosophy, Russian culture, corporeality, social criticism, anthropological model.

References

1. Bashkirov M.B. (2021) "The Warrior Shaman" by Alexander Gabyshev: Identity at the Crossroads of Two Cultures. *Ethnographic Review*. No. 5. pp. 130-146.
2. Esaulov I.A. (2025) On the Multidimensionality of Akaki Akakievich, or Why There is No Image of the "Little Man" in Russian Literature. *Problems of Historical Poetics*. Vol. 23, No. 4. pp. 112-132.
3. Ikityan L.N. (2025) The Test of Animality, or Provocation "On All Fours" in the Works of Leonid Andreev. *Questions of Literature*. No. 3. pp. 129-144.
4. Krinitsyn A.B. (2023) The Motif of Foolishness for Christ in F. M. Dostoevsky's Novel "Demons". *Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Literature and Language Series*. Vol. 82, No. 3. pp. 14-24.
5. Rostovtseva Yu.A. (2021) Motifs of Wandering in the Lives of Fools for Christ's Sake (Procopius of Ustyug, Isidore Tverdislov, Basil the Blessed). *Slavic Studies*. No. 4. pp. 117-126.
6. Sukina L.B. (2023) Saints Who Sailed from Overseas: The "German" Model of Foolishness for Christ in Medieval Rus'. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. No. 1(33). pp. 3-16.
7. Faritov V.T. (2021) Asceticism and foolishness in the philosophy of F. Nietzsche. *Bulletin of Tomsk State University*. No. 466. P. 64-70.